

МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 330.101.22:330.88

А.И. Голованов

МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЩЕГО ВЕКТОРА

Рассматриваются современные тенденции развития экономической мысли. Анализируются противоречия, возникающие при попытках объяснения нарастающих эволюционных сдвигов с использованием доминирующей экономической научной парадигмы. Рассматривается процесс интеграции экономической и социальных наук. Делаются прогнозы о направлениях дальнейшего развития экономической теории.

Ключевые слова: *экономическая теория, социальные науки, научные исследования, мейнстрим, эволюция.*

Кризис 2008–2009 гг. превратил финансовый мир в руины. Алан Гринспен, бывший председатель Федеральной резервной системы США, человек, которого называли величайшим финансистом всех времен и народов, признался Конгрессу, что был «потрясен»: происходившее на рынке противоречило всему, что он знал. Он «совершил ошибку, предположив, что в интересах организаций, особенно банков, – надежнейшим образом защищать собственных акционеров» [1. С. 66].

Классический постулат экономической теории, построенный на том, что люди всегда действуют, руководствуясь разумом, и что рынки и институты обладают способностью к естественной саморегуляции, является во многом ошибочным. Если неверные представления об экономическом и финансовом мироздании перевернули вверх дном сверхрациональную Уолл-стрит, то можно себе представить, какие разрушения они произвели в учреждениях и предприятиях других секторов, где также работают подверженные ошибкам, но не столь сильные в логике люди.

Сегодня перед нами разворачивается новый этап давно идущего процесса объективных изменений в экономике развитых стран, а также их отображения в экономической науке и экономическом образовании.

Финансовый кризис вновь приковал внимание экономистов к одной из давних и, может быть, самых болезненных точек современной экономической мысли, а именно монопольному доминированию одной экономической доктрины, так называемому «мейнстриму».

Основная часть исследований мейнстрима все еще соответствует парадигме, традиционно именуемой «неоклассической», включающей в себя три предпосылки «твердого ядра»: индивидуализм, эгоизм и рационализм поведения экономического субъекта, т. е. модель «человека экономического». В настоящее время данное направление не только доминирует в экономике, но

и в целом де-факто превращается в лидера социальных наук, оказывающего основное воздействие на их развитие в целом.

Некогда считавшаяся самой прогрессивной экономической парадигма «неоклассики» явила целый ряд идеологических принципов, заключающихся в тех предпосылках, которые с 1930-х гг. принимаются в ней как «априорные»:

1. Предпосылка «рациональности выбора», в которой рациональность сведена исключительно к максимизации полезности и никаких других ориентиров для деятельности человека не содержит.

2. Предпосылка «рыночного равновесия», предписывающая рассматривать любую деятельность людей «как рынок», и «только рынок».

3. Предпосылка «неизменности предпочтений», прямо утверждающая неподвижность, статичность предмета как принцип анализа и абстрагирование от обстоятельств, формирующих эти предпочтения.

4. Предпосылка «ограниченности ресурсов», означающая осознанное абстрагирование от всякого экономического развития: технологического, научного, социального, до крайности усугубляя статический подход к анализу экономики.

5. Принцип «методологического индивидуализма», означающий исключение из научного рассуждения всех надындивидуальных» форм экономической реальности, таких как коллектив и общество [2. С. 75–76].

Важно отметить, что целостность современной неоклассической парадигмы базируется далеко не на моделях человеческого поведения (несмотря на то, что в ученых кругах не первый год ведется дискуссия о необходимости учета психологических моделей поведения в условиях неопределенности, импульсивной теории спроса, имитации социального поведения в теоретико-игровых моделях, ограниченной рациональности и многих других подходов), а на ряде других признаков.

Прежде всего, это жесткий формат строгости, предполагающий обязательное применение математического моделирования, эконометрики и вычислительной экономики. Изменение стандарта строгости является сегодня ключевым «водоразделом» между неоклассикой и следующими за ней направлениями экономической мысли. Современная экономическая теория, таким образом, дальше других социальных наук ушла от «истории идей» к целостной концепции, близкой по структуре к естественным наукам.

Предсказательная способность описываемой модели признается более значимой, чем реалистичность ее предпосылок. Математические теоремы по определению формулируются в категориях универсальных законов.

Едва ли не главным следствием стремления применить строгие, хотя и формальные, методы математики к исследованию экономики оказалась необходимость упрощения предмета анализа, т.е. самой экономики – реальности сложной и органической [3. С. 22].

Никакой проблемы бы не существовало, если бы процедура упрощения использовалась в отдельных случаях и регулярно сопровождалась возвратом к действительности, чтобы не потерять ее как предмет исследования. Но в неоклассической теории упрощение реальности под предлогом математизации приобрело характер непрерывного и сплошного процесса. Это означало

безвозвратный уход анализа от реальности, в область искусственно упрощенного образа или модели.

Поскольку неоклассическая теория придерживается принципов изоляции (исследуются только относительно стабильные явления, используется оговорка «при прочих равных») и агрегирования (анализ типичных или репрезентативных показателей), соответственно, в любой модели исследователь потенциально стремится избежать построения общих теорий, а основное внимание уделяется исследованию отдельных экономических процессов и явлений.

Подобный подход приводит к фрагментации научных исследований и связан прежде всего с формированием множества относительно мелких ячеек в научном сообществе, которые между собой мало контактируют, а иногда и просто игнорируют друг друга. Наука становится достаточно разрозненной и ее части слабо связаны друг с другом, теряется системность [4. С. 14–15].

Другой оборотной стороной данного процесса является переполнение научного пространства пассивными исследованиями. Речь идет о том, что экономическая наука все больше фокусирует свое внимание на традиционных концепциях и теориях, пытаясь объяснить процессы реальной жизни, не выходя за рамки уже сложившихся подходов.

Сегодня этот процесс превратился в бесконечное перечисление деталей сложных социально-экономических систем без видимых успехов в анализе их сущности и эволюции. Между тем сейчас на повестке дня стоит проблема конструирования новых социальных моделей, новых способов социального бытия. Здесь необходимы «активные» теории, которые настраивали бы хозяйствующих субъектов всех уровней на определенные действия.

Современная неоклассическая теория оказалась в «ловушке унификации»: господствующая экономическая парадигма разрабатывается множеством исследователей, детально анализирующих различные ее аспекты. Формируется мощный защитный слой, позволяющий давать (как показывает практика, далеко не всегда корректные) объяснения большинству экономических и социальных проблем. Соответственно, у исследователей появляется стимул и далее совершенствовать данную парадигму, что, в свою очередь, еще больше укрепляет ее.

Ловушка унификации порождает целый ряд проблем. Коммуникация с исследователями вне господствующей парадигмы становится невозможной, во многих случаях исследователи ищут объяснение явлений, в максимальной степени соответствующее господствующей парадигме, порой отвергая здравый смысл и выводы других наук. Кроме того, способность ученых объяснять не вписывающиеся в парадигму явления постоянно снижается, а сами эти явления игнорируются. И хотя селекция идей возможна, но полностью подчинена господствующей парадигме. Наибольшим ограничениям подвергается генерация новых идей [5. С. 43–44].

В итоге неоклассической парадигме свойственна поразительная двойственность: признание ценностей поведенческого анализа и альтернативных моделей поведения человека не мешает большинству экономистов работать в русле старой неоклассической концепции. Исследования ведутся, но не учитываются другими исследователями, утверждающими, что поведенческий

подход еще не сформировал конкурентоспособную парадигму. Иначе говоря, в настоящее время развиваются два мейнстрима: основной неоклассический и более гибкий, учитывающий поведенческие особенности хозяйствующих субъектов.

В то же время социальные системы постоянно эволюционируют. Следствием и формой эволюции является глобализация всех процессов в пространстве и ускорение во времени: в мире растет связность на фоне роста плотности происходящих событий. При этом сами эволюционные сдвиги возникают не в результате коллективных, общественных усилий, а в результате индивидуального и субъективного переосмысления окружающего мира отдельными лицами.

По мере нарастания эволюции растет число и масштаб единичных, непредсказуемых событий, которые, несмотря на свою локальную природу происхождения, оказывают огромное влияние на всю социально-экономическую систему. Следовательно, по мере продвижения по эволюционной шкале мир становится все менее прогнозируемым, все чаще случаются непредвиденные события, не поддающиеся количественному анализу [6. С. 467–468].

В настоящее время значительная часть проблематики, которая традиционно относится к деятельности экономистов, все чаще становится объектом исследования политологов и социологов. Развитие политологической и социологической альтернативы неоклассике привносит важное позитивное явление в теоретические и прикладные исследования.

Политологи и социологи исходят не только (и не столько) из неудовлетворенности экономическим мейнстримом, сколько из попытки решения собственных теоретических проблем, лежащих на стыке наук, и поэтому более непредвзято анализируют инструментарий и выводы неоклассики и в большей степени ориентируются на исследования, а не на критику господствующего направления. Кроме того, нередко другим наукам удается избежать «ловушек коммуникации», свойственных экономической теории: наиболее показательным примером эффективного диалога между парадигмами является международная и сравнительная политическая экономия [5. С. 50–51].

Важно отметить, что социологи и политологи вовсе не отвергают неоклассику как таковую, но стремятся учесть ее достижения в рамках социологического и (или) политологического взгляда на социальную реальность. В то же время, скажем, экономическая социология часто обладает более мощными инструментами для анализа проблем.

Нельзя исключить, что в будущем социальные науки окажутся более влиятельными с точки зрения изучения экономических явлений, чем сама экономическая теория; однако выявиться это может лишь в процессе эволюционного развития.

Успешное взаимодействие дисциплин в целом зависит от возможности наладить связи между обособленными и нередко сильно различающимися по способу теоретизирования подходами. Возможно, это реализуется по мере сближения методов и тематики исследования. Однако важную роль играют и институциональные барьеры. Эмпирические исследования структуры цитирования показывают, что экономика в значительно меньшей степени обра-
ща-

ется к достижениям других социальных дисциплин, чем эти дисциплины к выводам экономики. Наиболее успешным является преодоление барьера между экономической наукой и политологией: новая политическая экономия сегодня является самостоятельным и довольно влиятельным направлением исследований [7. С. 370–371].

Для российской экономической науки, в рамках которой значительная доля исследований приходится именно на темы, рассматриваемые социологическими и политологическими дисциплинами, существование неэкономических исследований экономических процессов является крайне важным. Ярким примером служит экономическая социология, уже ставшая важным элементом российских социальных наук. Не меньшим потенциалом, на наш взгляд, могла бы обладать и международная политическая экономия для традиционных исследований международных экономических отношений.

Одна из важнейших методических проблем современной науки состоит в постепенном переходе от анализа к синтезу. И этот процесс безальтернативен. Современный мир из-за постоянной эволюции стал, во-первых, глобальным, а потому слишком многофакторным и многоаспектным, а во-вторых, слишком быстро меняющимся.

Изучаемые системы настолько сложны, что описать их моделями с небольшим числом переменных становится невозможно из-за потери принципиальных системных свойств. Если же учитывать все факторы, то это превращается в чрезмерно трудоемкую работу, которая не дает достоверных результатов. Более того, даже если описать систему во всем ее многообразии, то в скором времени она трансформируется и старое описание уже не будет соответствовать ее новым свойствам.

Не удастся в нынешних условиях и эффективно локализовать те или иные системы, ибо в век глобализации практически все системы стали глобальными. Искусственное же абстрагирование от внешних возмущений системы ведет к искажению ее поведенческих характеристик [4. С. 30–31].

Сложность нынешних социально-экономических систем и скорость их изменения ставят непреодолимый барьер на пути их анализа и познания. Речь о том, что познание систем должно идти в реальном режиме времени, а не путем расчленения системы в ее ретроспективе. Иным словами, необходимо отказываться от традиционного анализа, основанного на формальной логике, и переходить к синтезу, базирующемуся на диалектической логике и научной интуиции.

В этой связи логично задать вопросы: какой должна быть современная экономическая наука? как ее надо преобразовать, чтобы она стала адекватной стоящим перед ней задачам?

Напрашиваются предполагаемые ответы:

1. Экономическая наука должна стать оперативной. Все ее суждения должны быть направлены на уяснение текущей ситуации и выработку рекомендаций по ее улучшению. Это не значит, что изучение ретроспективы не нужно. Отнюдь. Однако любые изыскания должны носить практическую направленность. В каком-то смысле экономическая наука должна сконцентрироваться на проблеме правильного управления и реформирования мира, а не

на бесконечных объяснениях того, почему все именно так, как оно есть [1. С. 70–71].

2. Экономическая наука должна стать экспериментальной и инженерной. Предполагается, что все знания о системе должны быть получены в результате прямого воздействия на нее, экспериментирования с ней. Все теоретические и эмпирические изыскания должны быть встроены в систему управления на основе проверки тех или иных управленческих решений. Необходимо переходить к масштабной оценке поправочных коэффициентов в разных теориях, как это делается в инженерных науках. Фактически речь идет о том, что не будет отдельно науки (теории) и управления (практики), а будет некий синтез на основе синергии [7. С. 234–235].

3. Все теоретические исследования должны носить не аналитический, а синтетический характер. Бесполезно углубляться в бесконечное разнообразие объясняющих факторов, необходимо интегрировать все эти факторы в ключевые параметры и делать на их основе качественные выводы. Задача по поиску ключевых объясняющих переменных должна быть переформулирована в задачу отсеивания всех малозначущих факторов. Только такая инверсия позволит угнаться за быстрыми переменами в реальном мире. Похоже, что здесь уже ведущую роль будет играть не логика, а интуиция, позволяющая нащупать ядро проблемы и увидеть вектор грядущих изменений [4. С. 33].

4. Необходимо провести ревизию экономической и социальных наук и переписать их максимально компактно. В науке должны фигурировать лишь самые важные принципы и методологические подходы, а не огромное число неработоспособных теорий и моделей [5. С. 52].

Все эти тенденции, описанные выше, свидетельствуют о динамичном развитии экономических исследований в современном мире. Облик экономической науки заметно меняется, и это не может не стать вызовом для трансформации экономической мысли в самой ближайшей перспективе.

Литература

1. *Ариели Д.* Конец рациональной экономики // Harvard Business Review Россия. 2009. № 8. С. 66–72.
2. *Московский А.* Почему студенты Гарварда против лекций Г. Мэнкью? // Экономист. 2012. № 1. С. 74–83.
3. *Дерман Э.* Бойтесь формул! // Harvard Business Review Россия. 2005. № 8. С. 21–22.
4. *Балацкий Е.* Кризис социальных наук // Общество и экономика. 2010. № 5. С. 14–35.
5. *Либман А.* Современная экономическая теория: основные тенденции // Вопросы экономики. 2007. № 3. С. 36–54.
6. *Ларионов И., Сильвестров С.* Экономическая теория. Экономические системы: формирование и развитие. М.: Дашков и К°, 2012. 878 с.
7. *Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: Журнал «Вопросы экономики», 2004. 416 с.